

Москва 1941-го года в западногерманской памяти

Йоханнес Хюртер*

В коллективном сознании немцев не Москва, а Сталинград является самым важным местом памяти о войне с Советским Союзом. Полная потеря целой армии в заснеженной и разрушенной местности далекого большого города была инсценирована еще национал-социалистической пропагандой как «героическое жертвоприношение». Такое толкование, даже если и с другими определениями, было перенято западногерманским послевоенным обществом. Сталинград был прежде всего немецким жертвенным нарративом, в основе которого лежит представление о том, что при Гитлере сами немцы тоже страдали и умирали, отправлялись на верную гибель, как, например, мужественные солдаты на Волге. То, что немецкие солдаты были не только жертвами, но также и преступниками, а их массовые страдания и массовая смерть соседствовали с бесчисленными военными преступлениями, по большей части оставались незатронутыми в общественном восприятии вплоть до 1990-х годов.

Наряду с центральным символом и мифом о событиях в Сталинграде другие крупные военные операции советско-германской войны играли в немецкой культуре памяти второстепенную роль и, зачастую, не имели никакого значения. Это относится к осаде Ленинграда (1941–1944 гг.), равно как и к битве на Курской дуге (июль 1943 г.), не говоря об опустошительном поражении групп армий «Центр» и «Южная Украина» летом 1941 года, которые до недавнего времени оставались забытыми, хотя потери

в них были более чем в два раза выше потерь под Сталинградом. Соответственно, до настоящего времени почти не было исследований о том, какое значение в памяти немцев имеют другие события и битвы, помимо Сталинграда¹. Это относится также к боевым действиям с осени 1941 года по весну 1942 года на центральном участке Восточного фронта, которые объединяются общим названием «Сражение под Москвой» с кульминацией перелома в ней вследствие советского контрнаступления в декабре 1941 года.

Стоит ли вообще пытаться устранить этот недостаток и впервые исследовать «Москву 1941 года» как место памяти? Не все ли уже сказано могучим кодовым словом «Сталинград» в большом послевоенном повествовании о героизме и мучениях солдат вермахта, оставленных командованием в беде? В действительности, картины воспоминаний похожи друг на друга во многих деталях как, например, борьба и смерть в суровой зимней местности. Тем не менее можно выявить некоторые особенности, которые делают Москву отдельным местом памяти и отличают ее от Сталинграда. Кроме того, это событие в коллективной памяти изначально имело намного больший вес чем, к примеру, Ленинград, Курск или разгром группы войск «Центр», хотя оно и не достигло той силы воздействия как миф о Сталинграде.

Личные (индивидуальные) воспоминания участников событий 1941 года под Москвой, являющиеся, согласно Яну Ассману, предпосылкой для коммуникативной памяти, которая

* Йоханнес Хюртер — доктор, Институт современной истории (Мюнхен — Берлин).
Перевод В. М. Глушака — д. фил. наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО(У).

наряду с культурной памятью выступает основанием для коллективного воспоминания², — должны были бы стать в немецком послевоенном обществе более распространенными, чем в случае со Сталинградом. В наступлении на Москву, которое началось 2 октября 1941 года, приняли участие около двух миллионов немецких солдат, т. е. в 10 раз больше окруженных в Сталинграде. Однако потери были не такими ужасными, как можно было бы предположить, и намного меньшими, чем годом позже на Волге³. Непосредственное участие такого большого количества людей способствовало тому, что поражение под Москвой отложилось в коллективной памяти, хотя национал-социалистическая пропаганда преуменьшала значение этого события, и в этом отношении место памяти Сталинград уже изначально имело другие предпосылки.

После 1945 года крайне важными для культурной памяти были романы, мемуары, научно-популярные книги, газетные статьи, радиоочерки, школьные учебники. Позднее во все возрастающей степени таковыми стали телевизионные документальные фильмы. Как и в случае с мифом о Сталинграде, писателю Теодору Пливье отводится важная роль в воспоминаниях о событиях под Москвой 1941 года. Бестселлер «Сталинград» этого эмигранта, который он написал в Советском Союзе в 1943 году на основе захваченных документов и разговоров с немецкими военнопленными, стоял в 1945 году в начале общенемецкой послевоенной литературы и основательно повлиял на жертвенный нарратив о германском вермахте⁴. Спустя семь лет этот успешный автор, который между тем уже отвернулся от Советского Союза и обосновался в Федеративной Республике Германия, выпустил документальный роман «Москва» о германском наступлении с июня по декабрь 1941 года⁵. Издание вышло в свет в сентябре 1952 года с начальным тиражом в 50 000 экземпляров, которые разошлись уже в первый день продаж. Стоит подробнее рассмотреть эту книгу, так как в ней четко представлены все составляющие как мифа о вермахте, так и специфических воспоминаний о битве под Москвой. Эта книга будет обобщением многих других примеров. Как и роман о Сталинграде, «Москва» Теодора Пливье является героическим эпосом немецкому фронтовику и офицеру. В нем вермахт представлен еще более позитивно, чем в первом романе. Подробно

рассматриваемая советская сторона, напротив, представляется прежде всего как террористический режим, который ни в чем не уступает национал-социалистической диктатуре. Таким образом, и немецкие, и советские солдаты выступают как жертвы двух государств-изгоев, ставших их палачами. Немецкие военные преступления упоминаются поверхностно и в каждом случае лишь в связи с именем Гитлера или СС. Даже в случае с массовой гибелью советских военнопленных, за которую несет ответственность вермахт, у Т. Пливье всплывает бригада СС как исполнитель преступления. Фронтовики же в его романе, напротив, проявляют заботу и человечность в отношении гражданского населения.

Приукрашенная картина приобретает особые исторически скомпилированные масштабы, когда речь идет о военной элите. Поражение немецкого наступления на Москву обосновывается ошибками верховного руководства, плохими погодными условиями, провалами со снабжением и неожиданным советским подкреплением с Дальнего Востока. Кодовые слова для этих аргументов «Гитлер», «генерал Зима» и «сибиряки» пронизывают память о событиях 1941 года под Москвой по настоящее время. У Т. Пливье и почти во всех популярных представлениях того и последующего времени ошибки руководства персонифицируются с Гитлером. Автор придерживается дискурса оправдания генералитета и буквально переписывает в свою книгу отрывок из опубликованных в 1951 году и весьма популярных воспоминаний генерала танковых войск Хайнца Гудериана, который описывает свой спор с Гитлером в декабре 1941 года⁶. Роли четко распределены: с одной стороны — циничный насильник Гитлер, с другой — осознающий свою ответственность профессионал Гудериан. Т. Пливье представляет изменения в персональном составе руководства войсками зимой 1941–1942 годов вопреки историческим фактам как кардинальную смену элит. Он знаменует этим конец консервативной военной элиты, чего не было в действительности до 1945 года, и привязывает к мысли, которые полностью игнорируют фактический, профессиональный и моральный провал генералитета именно в первой фазе войны с Советским Союзом:

«Это были большие потери в высших эшелонах военного руководства Германии; и еще [...] — это означало высыхание значимого источника сил в традиционной середине континента, это

означало наступление степи на Европу. [...] Преданность и вера, порядочность и благородство застряли в пути. Параллелограмм нравственных сил был растянут на восточных полях битвы, лицо русско-германского фронта окончательно обрело формы. Речь могла идти только об уничтожении»⁷.

В романе Т. Пливье «Москва» содержатся, таким образом, две наиболее действенные, стойкие и до настоящего времени кочующие легенды о вооруженных силах «Третьего рейха»: во-первых, это легенда о «безупречных» вооруженных силах Германии с их мужественными солдатами, посланными демагогом Гитлером на смерть; во-вторых, это рожденная генералитетом на свет легенда о высокопрофессиональной, а также морально безукоризненной военной элите, которой помешал преступник и дилетант Гитлер, из-за которого не состоялась возможная победа.

Теперь перейдем к особенностям воспоминаний о Москве 1941 года, что отсутствует как в мифе о Сталинграде, так и в других повествованиях о советско-германской войне, и в определенной степени являет собой уникальный признак в немецкой памяти о Москве. Во всех представлениях битвы под Москвой всплывает мотив успеха, до которого было буквально рукой подать, и памятная фигура немецкого военного подразделения, которое продвинулось дальше всех к советской метрополии. Группа разведчиков второго декабря 1941 года достигла московского пригорода Химки, располагавшегося в восьми километрах от границы города и всего в двадцати километрах от его центра. Этот с военной точки зрения незначительный факт был многократно приукрашен в коллективной памяти и укрепился в представлении таким образом, что Кремль, центр управления Сталина, был уже виден в бинокль, находился под прицелом вермахта. В романе Т. Пливье встречаем эту символическую рекордную отметку с характерным и грубо противоречащим истине добавлением, что Гитлер воспрепятствовал возможному вхождению в город. Какая энергетика исходила из этого рассказа, отчетливо представлено в рецензии на книгу Т. Пливье в еженедельнике «Zeit»:

«Чудовищное волнение, которое исходит от многих страниц этой книги, возникает из полного тревоги вопроса: „Получится ли?“. Бог свидетель, немецким войскам не удалось войти в Москву. Но нам внушается со всем упорством,

которое усиливается всеми писательскими средствами, как близко к цели была верхушка вермахта. Самая сильная часть книги — это описание наступления, которое предпринимает передовой отряд подполковника Вильсхофена через реку Протва. Наступление описано так увлеченно, что ты, затаив дыхание, следуешь за стремительно продвигающимися танками и при этом ловишь себя на мысли, что желаешь им успеха»⁸.

Теодор Пливье описывает Восточный поход вермахта как великую драму, как трагедию поражения под Москвой в силу сложных обстоятельств: «Война на Востоке достигла своего апогея, и отныне она могла — что бы не произошло, и какие жертвы это не требовало бы — лишь мчаться навстречу своему кровавому окончанию». В то же время его рассказ содержит мысль о том, что до первого крупного поражения германских войск завоевание Москвы и крах советской империи были вполне возможны. В интервью по поводу выхода в свет своего романа Т. Пливье подчеркивал: его книга содержит историческую правду, что не существует непобедимых армий: «Красная Армия тоже не является таковой»⁹.

Подобная трактовка истории содержала в себе прежде всего внушительный идентификационный и интеграционный потенциал. В коллективной памяти Федеративной Республики Германия Москва стала символом того, что в 1941 году, благодаря еще неразрушенной военной мощи, были достигнуты славные военные успехи, которыми можно гордиться именно на фоне конфликта Востока и Запада. Этот смысловой конструкт был насколько популярен, настолько и действенен, подкрепляя веру бывших солдат и их семей в то, что они защищали Европу, Запад от Азии и большевизма. Битва была проиграна, но разве это не было грандиозно: потерпеть неудачу в самой непосредственной близи от цели только из-за невезения, из-за недееспособности криминального и в то же время некомпетентного в военном плане государственного руководства?

Названные передвижные декорации коллективной памяти о событиях под Москвой 1941 года проявляются, естественно, в многообразных вариациях, бесчисленных переработках и представлениях о «Кампании в России», как долгое время называли эту войну. Дальнейшее реферирование примеров имело бы серийный характер и вскоре наскучило бы

Вам. Но я хотел бы сослаться еще на одну книгу, потому что она, как никакая другая, оказала влияние на формирование исторического представления о войне против Советского Союза. Бестселлер «Операция Барбаросса. Поход на Россию» Пауля Кареля, вышедший вначале в иллюстрированном журнале, а затем отдельной книгой в 1963 году, более чем два десятилетия был в Федеративной Республике Германия своего рода настольной, семейной и народной книгой о войне на Востоке¹⁰. Для меня, как и для большинства тех, кто родился после описываемых событий и интересуется историей, книга Кареля, которую лично я обнаружил у своих дедушек — двух бывших солдат вермахта — была первым знакомством с этой войной. Следует отметить, что ее автора Пауля Кареля звали Пауль Карл Шмидт и что в 1940–1945 годах он был начальником пресс-службы Имперского министерства иностранных дел, т. е. специалистом по пропаганде национал-социалистической диктатуры.

Произведение П. Кареля (он же Шмидт) — это воспевание германских солдат, искусно смонтированное из бесчисленных документов и интервью. У П. Кареля наступление вермахта в конечном итоге становится «Последней охотой на Москву», когда совсем немного промахнулись мимо цели, не дойдя «восьми километров до Москвы». Военные преступления и истинные цели похода у автора тоже скрыты, а германские войска на Востоке — прежде всего достойный восхищения военный инструмент, с помощью которого «русские», как это навязчиво повторяется в книге, чуть не были побеждены. Для этого автор битвы под Москвой живописует «абсолютно выдающиеся успехи немецких формирований... Солдаты и офицеры в дисциплине, смелости, лишениях и самопожертвовании превзошли все известные до того времени примеры»¹¹.

Западногерманская историческая наука постепенно и полностью разрушила мифы о войне на Востоке, после того как она отмежевалась от игры на публику бывшего Генерального штаба. Начиная с первых важных ссылок Андреаса Хилльгрубера, продолжая некоторыми новаторскими исследованиями в 1970-е годы и дополняя усиленным интересом в 1980-е и 1990-е годы, были основательно изучены как участие вермахта и его элиты в распространении и проведении основанной на расовой идеологии захватнической, грабительской и уничтожи-

тельной войны, так и причины их военного поражения. От двух названных легенд — мифе о вермахте и мифе о Генеральном штабе — мало что осталось. Согласно исследованиям, прежде всего Клауса Райнхардта, ведомства военной истории, Кристиана Хартманна, а также автора настоящей работы, можно констатировать, что нерадиво подготовленное «Молниеносное наступление» на Советский Союз было проиграно уже за несколько месяцев до декабря 1941 года. Ошибочные решения командования армии и отдельных командующих войсками были, по крайней мере, такими же отягощающими, как и вмешательство Гитлера. Шансы на успех зависели от «удачи» из-за непростительно недооцененной мощи советского противника. Под Москвой не могло идти и речи о «решающей битве», а лишь о потере германской наступательной мощи, о почти естественном спаде волны наступления. Даже захват Москвы ничего бы не решил, а после краха плана блицкрига и его глобальных последствий германский рейх больше ничего не мог выиграть.

Исследования уже давно обогнали коллективную память. Преступления вермахта начали укореняться в общественном историческом сознании после дебатов о выставке «Преступления вермахта», организованной в Гамбурге в 1995 году. То, что в той же степени изменилось и восприятие военных событий, вызывает сомнение. Чрезвычайно популярный телевизионный сериал «Вермахт. Итог», показанный в 2007 году, ссылается на новейшие исследования и уделяет рассмотрению преступлений действительно большее внимание, чем раньше. Однако уровень представлений наступления на Москву и о поражении вермахта не позволяют констатировать каких-либо серьезных изменений в сознании. Здесь снова присутствуют старые знакомые декорации, подкрепленные словами «очевидцев событий», даже если они и сопровождаются внешне отличающимися комментариями: сибиряки, погода, диктатор, который не хотел слушать генералов, таких, как Гудериан, восемь километров до Москвы¹². Таким образом, остается лишь только ждать, станет ли Москва 1941 года в общенемецкой памяти символом окончательного краха преступной операции, за которую несут ответственность старые элиты, или же она продолжит жить, скрываясь за ритуалами памяти, как символ «почти победы» «доблестного» германского вермахта.

¹ Исключение представляет: Ganzenmüller Jörg. Nebenkriegsschauplatz der Erinnerung. Die Leningrad-Blockade im deutschen Gedächtnis // Osteuropa 61. — № 8–9 (Die Leningrader Blockade. Der Krieg, die Stadt und der Tod). 2011, S. 7–21.

² См.: Assmann Jan. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992. S. 50–55. Из этих двух «модусов» или «рамок памяти» коллективного воспоминания коммуникативная память основывается на неформальных, устных преданиях и была поэтому привязана к воспоминаниям очевидцев событий, в то время как культурная память сплетается с символическими «фигурами памяти» и искусственно, в письменном виде хранимыми точками отсчета. См. также Welzer Harald. Das kommunikative Gedächtnis. Eine Theorie der Erinnerung. München, 2002. Теория коллективной памяти, коллективного воспоминания была, как известно, основана Морисом Хальбваксом, см., например, впервые изданный данным автором в 1925 г. Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen. Frankfurt a.M., 1985.

³ В книге Overmans Rüdiger. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. München, 1999. S. 278, указывается, что на Восточном фронте даже в самые критические месяцы — в декабре 1941 и январе 1942 годов — общие потери составили «лишь» 40 198 и 48 165 убитых соответственно указанным месяцам, в то время как в декабре 1942 и январе 1943 количество убитых достигло 78 759 и 180 310 человек. Интересно также сравнить июль 1941 года (63 099), июль 1943 года (Курск; 71 231), а также июнь, июль и август 1944 года (разгром групп армий «Центр» и «Южная Украина; 142 079, 169 881, 277 465».

⁴ Plievier Theodor. Stalingrad. Berlin: Aufbau Verlag, 1945.

⁵ Plievier Theodor. Moskau. Roman. München: Verlag Kurt Desch, 1952.

⁶ Ср.: Plievier. Moskau, S. 529–531 и Guderian Heinz. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951. S. 240–243.

⁷ Plievier. Moskau, op. cit. S. 532.

⁸ Die Gelächter des Kriegsgottes // Die Zeit, 23.10.1952.

⁹ Ja, Woina // Der Spiegel, 17.9.1952, с. 24 и далее, здесь с. 25.

¹⁰ Carell Paul. Unternehmen Barbarossa. Der Marsch nach Rußland. Frankfurt a.M., 1963. Вначале вышла серия в 46 частях в иллюстрированном журнале «Kristall» (выпуски 13/1961–6/1963), принадлежащем издательству Алекса Шпрингера с тиражом почти в полмиллиона экземпляров. По данным издательства Ульштайн, тираж книги составил 204 000 экземпляров. См. Plöger Christian. Von Ribbentrop zu Springer. Zu Leben und Wirken von Paul Karl Schmidt alias Paul Carell. Marburg, 2009. S. 340. О Кареле (Шмидте) и его исторических взглядах см. также Benz Wigbert. Paul Carell. Ribbentrops Pressechef Paul Karl Schmidt vor und nach 1945. Berlin, 2005, особенно страницы 91–100.

¹¹ Carell. Unternehmen Barbarossa. S. 344.

¹² См. также известную сопроводительную книгу: Knopp Guido. Die Wehrmacht. Eine Bilanz. München, 2007. S. 110–125.